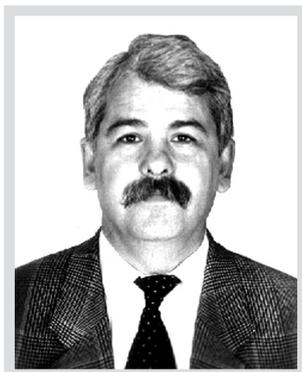

УДК 321.72

Учредительное собрание в программах общероссийских и национальных политических партий 1905-1917 гг.**Циунчук Р.А.**

Доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье прослеживается динамика отношений различных партий России начала XX века к политическому требованию Учредительного собрания.

Ключевые слова: Российская империя, демократия, Учредительное собрание, политические партии.

Идея созыва Учредительного собрания в российском политическом процессе, в разработках правоведов и в публицистике вызревала почти сто лет – со времени создания программных документов декабристов до выборов во Всероссийское Учредительное собрание в конце 1917 г. В программах общероссийских и национальных политических партий начала XX в. лозунг Учредительного собрания входил в основные требования государственного устройства (или переустройства) России начала XX в., а именно, во-первых, этот лозунг помещен в тексте партийных программ после требования введения новых форм государственного строя, во-вторых, после требования однопалатного или двухпалатного выборного законодательного органа, в-третьих, после изложения избирательной системы и избирательных прав граждан [1, с. 126].

В канун XX в. воплощение идеи созыва Учредительного собрания переместилось из сферы правовой мысли в программную составляющую, в стратегию и тактику политических партий. При анализе этого явления целесообразно совместно рассмотреть постановку лозунга Учредительного собрания в комплексе с другими главнейшими политическими требованиями.

Во-первых, политические лозунги всегда ранжировались партиями, им была присуща разнонаправленность стратегического и тактического обеспечения, плюрализм идейных установок относительно путей будущей России.

Во-вторых, требования созыва Учредительного собрания неминуемо касались принципа государственного устройства России (от лозунга низвержения до конституционного сохранения монархии).

В-третьих, лозунг созыва Учредительного собрания выдвигался параллельно с требованием достижения гражданских свобод, формулировки и конфигурации которых заметно отличались в программах разных партий.

В-четвертых, лозунг созыва Учредительного собрания, как правило, звучал вместе с требованиями демократического избирательного права: всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

После февраля 1917 г. произошло быстрое реформатирование всей российской многопартийности, реформатирование лозунга Учредительного собрания было особенно свойственно конституционно-демократической партии [2, с. 384].

В либеральном формате идея Учредительного собрания была гласно изложена почти за тридцать лет до образования Конституционно-демократической партии – в брошюре «Ближайшие задачи земства» (1878 г.), автором которой был известный земский деятель И.И. Петрункевич. Требование немедленного созыва Учредительного собрания вошло в программу «Союза освобождения» (март 1905 г.). Учредительное собрание предполагалось «на началах всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов для выработки русской конституции» [3, с. 158]. I съезд Конституционно-демократической партии (1905 г.) выдвинул задачу достижения созыва Учредительного собрания. Второй партийный съезд (январь 1906 г.) утвердил Программную резолюцию по вопросу об Учредительном собрании [4, с. 326].

Конституционно-демократическая партия в 1906 г. отстаивала лозунг Учредительного собрания в связке с требованием установления гражданских свобод.

В дальнейшем кадеты многократно модифицировали и ранжировали как его политическую реализацию, так и гарантии созыва Учредительного собрания.

В докладе об Учредительном собрании на VI съезде партии (март 1917 г.) один из лидеров кадетской партии Ф.Ф. Кокошкин особо подчеркивал, что «12 лет тому назад всенародные требования были сформулированы в таких положениях: гражданские свободы и Учредительное собрание, тогда эти требования осуществить не удалось». В связи с выходом Манифеста 17 октября и избранием Первой Государственной думы кадеты отказались от идеи созыва Учредительного собрания и оставались на этой позиции более десяти лет. В этом докладе Ф.Ф. Кокошкин заявил, что с наступлением периода реакции вышеназванные требования «... и особенно лозунг об Учредительном Собрании признавались многими утопическими, неосуществимыми требованиями» [5, с. 404-405].

В момент установления власти Временного правительства в п. 4 его декларации, оглашенной 3 марта 1917 г., провозглашалась «немедленная подготовка к созыву... Учредительного собрания, которое установит форму правления и Конституцию страны» [6, с. 463].

Статус этого конструкта Ф.Ф. Кокошкин определял через дихотомию: они «стали перед нами [не как] «музыка будущего, а как дело завтрашнего дня» [5, с. 405]. Он добавил: «Это будет историческое событие, которое, может быть, на столетие вперед определит путь нашего дальнейшего политического развития» [5, с. 405]. Однако требование Учредительного собрания не было в составе программы, а лишь в резолюции VI съезда. Хотя, открывая заседание этого съезда кадетов, князь П.Д. Долгоруков заявил, что пересмотр программы «нужен главным образом ввиду с предстоящей выборной кампанией в Учредительное собрание» [5, с. 363]. Ф.Ф. Кокошкин утверждал, что «для созыва Учредительного собрания придётся проделать ряд чрезвычайно сложных работ», что «подготовительные работы по этому вопросу... займут достаточно много времени» [5, с. 406].

Так, во-первых, «подготовительные работы [по созданию избирательного закона – Р.Ц.] потребуют довольно продолжительного времени».

Во-вторых, «должны быть созданы... органы на местах, которые могли бы руководить выборной операцией...», (органы местного самоуправления – Р.Ц.), которые сами будут созданы на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования».

В-третьих, составление избирательных списков – «это почти приближается ко всеобщей переписи», это будет «грандиозной операцией», «работа эта, конечно, огромна... должны быть даны известные сроки для обжалования списков».

В-четвертых, важно было решить «будет ли Учредительное собрание во время войны или после

нее..., это зависит от продолжительности войны» [5, с. 406]. В прениях по докладу Ф.Ф. Кокошкина некоторые делегаты съезда предлагали провести выборы в Учредительное собрание после войны, а «самый вопрос об участии в выборах действующей армии тоже потребует чрезвычайной сложной разработки» и нужно будет «много подумать, чтобы выбрать совершенно правильный способ выборов в ... действующей армии».

В-пятых, «самый вопрос о будущем мире по окончании войны ставится в связь опять таки с Учредительным собранием», так как он «должен подлежать утверждению со стороны представительного собрания», достаточно авторитетного «в глазах всей страны» [5, с. 406, 407, 405].

В-шестых, «должно быть, наконец, оставлено время для избирательной агитации. Надо дать время развернуться этой избирательной агитации для того, чтобы население отнеслось к выборам сознательно» [5, с.405].

В-седьмых, «должны быть точно установлены сроки обжалования самих выборов в Учредительное собрание» [5, с.406].

Съездом были приняты особые тезисы об Учредительном собрании, в которых провозглашался созыв Учредительного собрания в возможно кратчайший срок и верховенство самого Учредительного собрания в определении «его компетенции, продолжительности его деятельности... и принцип ответственности перед Учредительным собранием министерства» [5, с.492]. После принятия съездом тезисов об Учредительном собрании председательствовавший один из лидеров кадетов М.М. Винавер заявил: «Таким образом, мы исчерпали весь вопрос (курсив наш – Р.Ц.) об Учредительном собрании» [5, с.430]. Однако через полтора месяца на VIII съезде партии было завлечено членом ЦК и Министром Временного правительства Н.В. Некрасовым, что и Временное правительство, и Совет рабочих и солдатских депутатов «сделали ошибку, затянув это дело» [5, с.501]. Князь Д.И. Шаховской возражал, что «созвать Учредительное собрание скоро нельзя» [5, 506]. А еще через два месяца на IX съезде кадетов (23-28 июля 1917 г.) первым пунктом повестки дня стал вопрос «О выборах в Учредительное собрание». М.М. Винавер заявил, что «...время, которое мы переживаем, заставляет с особой тревогой относиться к вопросу о порядке созыва ... собрания» (Учредительного – Р.Ц.), которое «явится авторитетным выразителем не только в сфере законодательства, но и в сфере управления – в составлении правительства, которое могло бы считаться с волей народа, проявленной в Учредительном собрании» [5, с. 671].

М.М. Винавер высказал особую тревогу в связи с тем, что «целый ряд исполнительных комитетов» – это «организации под именем Советов рабочих и солдатских депутатов – частные организации, кото-

рые, однако, имеют в глазах населения некоторый оттенок власти исполнительной», берут на себя «почин в проведении выборной агитации», что «грозит избирательной кампанией особой опасностью», ибо «это может переломиться в сознании населения, будто никакая агитация, кроме той, которая исходит от этих органов, недопустима». В этом М.М. Винавер видел «опасность, грозящую свободе слова» [5, с. 671].

X съезд Конституционно-демократической партии (14-16 октября 1917 г.) обсуждал доклад Н.Н. Щепкина «Выборы в Учредительное собрание». В докладе предлагалось соединить списки («во избежание потери голосов при выборах в Учредительное собрание рекомендовать принимать все доступные меры к соединению списков партий и групп, стоящих на одной с Партией народной свободы государственной платформе») [5, с. 748]. Характеризуя постановку вопроса о созыве Учредительного собрания кадетской партией, исследователь Л.Г. Протасов писал: «Никто не сделал так много для разработки его статуса, как кадетские эксперты, и никто так не тормозил его созыв, как именно министры-кадеты» [7, с. 42].

Партия свободомыслящих (ноябрь 1905 – декабрь 1906 гг.), хотя и выступала за созыв Учредительного собрания, но близка была к тем позициям кадетов, в которых созыв Учредительного собрания трактовался как «музыка будущего». Свободомыслящие считали целью Учредительного собрания лишь принятие «действительной конституции Русского государства» как демократической республики в некоем отдаленном будущем [8, с. 432]. В программе Радикальной партии указывалось, что «ближайшей задачей своею партия считает немедленный созыв Учредительного собрания на основах всеобщего для всех граждан и гражданок равного, прямого и тайного голосования» [9, с. 68].

После разгона Учредительного собрания у кадетов сложился негативный образ самого Учредительного собрания и крайне негативное отношение к социалистам-учредителям в лице КОМУЧА и, одновременно, идейная поддержка Белого движения, гражданских исполнительных органов или правительств при генералах А.И. Деникине, П.П. Врангеле, Н.Н. Юдениче, адмирале А.В. Колчаке и на территориях, занятых войсками Антанты на российском Севере, в Закавказье и др.

В период активного партстроительства в России в 1905-1907 гг., в 1917 г. и легализации новых общероссийских и национальных партий (среди них не менее 18 либеральных и консервативных партий) насчитывалось 13 общероссийских политических организаций, в программах которых отсутствовал пункт о созыве Учредительного собрания. Лишь две либеральные партии из числа 18 обозначили лозунг созыва Учредительного собрания (Конституционно-демократическая партия и Литовская демократическая партия).

Союз 17 октября (партия октябристов) в 1906 г. однозначно отрицал необходимость созыва Учредительного собрания: «Союз высказывается против созыва Учредительного собрания, которое только отдалит... час успокоения страны». Программа партии октябристов объясняла эту позицию через принцип доказательства «от противного»: «... созыв, как того требуют некоторые партии, Учредительного собрания, которое своею властью определяет свою компетенцию, предполагает как бы отсутствие всякого правительства» [4, с. 345].

Отрицательно относилась к требованию созыва Учредительного собрания и Торгово-промышленная партия, которая выступала также против возможных учредительных функций Думы [10, с. 135].

Принципиально иными были стратегические и тактические установки о созыве Учредительного собрания в программах главных революционистских партий – Российской социал-демократической рабочей партии и Партии социалистов-революционеров. Обе партии разделяли стратегический императив – низвержение самодержавия и в программах связывали этот императив с требованием созыва Учредительного собрания.

РСДРП раньше эсеров приняла Программу, в которой два лозунга низвержения самодержавия и созыва Учредительного собрания даны в конце последнего абзаца программы как ключевой пункт политической программы-минимум: «...полное, последовательное и прочное осуществление... политических и социальных преобразований, достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва Учредительного собрания, свободно избранного всем народом» (курсив источника – Р.Ц.) [11, с. 424; 12, с. 62]. В такой формулировке вторая составляющая стратегического двуединого лозунга о низвержении самодержавия и об Учредительном собрании была оглашена большевистской «Правдой» в 1917 г. Установка на созыв Учредительного собрания позиционировалась уже как тактическая. Тактика партии координировалась В.И. Лениным с еще одной ступенью продвижения большевиков к власти. В вопросе об Учредительном собрании первоначально В.И. Ленин не исключал варианта его использования в качестве революционного Конвента. Затем лидер большевиков полагал, что политическая ситуация отведет Учредительное собрание на задний план. Но после объявления сроков выборов в Учредительное собрание позиция большевиков была резко изменена: провозглашалась тактика самой энергично работы по выборам, отношение к лозунгу Учредительного собрания было вновь дополнено после августовского переноса выборов, когда большевики призвали к защите Учредительного собрания. В преддверии Учредительного собрания большевиками в октябре 1917 г. было принято решение о вооруженном захвате власти до

созыва Учредительного собрания, ибо взятие власти при уже работающем Учредительном собрании имело бы правовые признаки узурпации власти. В осуществившихся политических реалиях большевики стремились взять под жёсткий контроль избирательный аппарат, который возглавил М.С. Урицкий, ставший комиссаром Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание и комендантом Таврического дворца.

Бесповоротный разрыв с идеей Учредительного собрания был связан не только с закреплением властных позиций большевиков, но и с относительной неудачей партии большевиков на выборах.

Открыв заседание Учредительного собрания, председатель Всероссийского Центрального Исполнительного комитета Я.М. Свердлов зачитал текст Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая была утверждена ВЦИКом как Высшим распорядительным и контролирующим органом Совета рабочих и солдатских депутатов. Факт отклонения этой Декларации послужил поводом ухода с заседания Учредительного собрания большевиков и левых эсеров. Тем самым была предрешена судьба Учредительного собрания России – его разгон.

Последнее упоминание большевиками формулы «созыв Учредительного собрания» имело место вскоре после его роспуска – на Третьем Всероссийском съезде советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (10-18 января 1918 г.), когда съездом было заявлено об удалении из всех ранее принятых декретов указания на их временный характер: из них устранялось положение – «впредь до созыва Учредительного собрания» [7, с. 320].

Наиболее последовательным приверженцем стратегической постановки и реализации лозунга созыва Учредительного собрания была Партия социалистов-революционеров. В ее Программе, опубликованной в 1904 г. и утвержденной Первым съездом партии в начале января 1906 г., постулат свержения самодержавия был прописан в Программе-минимум, где было сказано, что «...тяжесть борьбы падает на пролетариат, трудовое крестьянство и революционно-социалистическую интеллигенцию»; предшествующим тезисом в тексте программы является утверждение, что «уничтожение царизма является крайне важным фактором международного процесса» [4, с. 143]. В конце текста Программы-минимум провозглашено, что «Партия Социалистов-революционеров, ведя непосредственную революционную борьбу с существующим режимом, агитирует за созыв Учредительного собрания... для ликвидации самодержавного режима» [4 с. 143]. Тем самым основные два лозунга – свержение самодержавия и созыв Учредительного собрания были сопряжены в общий для революционистов политический императив. В последних строках эсеровской программы к стратегическому смыслу созыва Уч-

редительного собрания присоединен и тактический дискурс этого лозунга: «Свою программу... переустройства... всех современных порядков в духе установления свободного народного правления» партия эсеров «будет отстаивать как в Учредительном собрании, так и стремиться непосредственно проводить в революционный период» [4, с. 146]. Созыв Учредительного собрания «Земского собора» должен способствовать «установлению свободного народного правления, необходимых личных свобод и защиты интересов труда» [13, с. 10].

В ситуации двоевластия эсеры считали, что Советы являются полезным и необходимым фактором в работе Учредительного собрания. Советы признавались эсерами не как орудие, которое дала история для продолжения политического переворота и закрепления основных свобод и демократических принципов, а как инструмент организации масс и осуществления над ними идейно-политического руководства. По мнению эсеров, именно Советы обеспечивали бы проведение в жизнь решений предстоящего Учредительного собрания. Но в будущей демократической республике, установленной Учредительным собранием, Советам предлагалась роль лишь одного из элементов в государственной организации демократической республики. На Четвертом и последнем съезде в истории Партии социалистов-революционеров в докладах ЦК среди первостепенных вопросов, был вопрос об Учредительном собрании. И главным лозунгом Партии социалистов-революционеров выдвигается вновь созыв на основе уже состоявшихся выборов членов Учредительного собрания в прежнем формате Всероссийского Учредительного собрания. Этот лозунг стал основой эсеровской политики не только потому, что Учредительное собрание трактовалось эсерами как вершина воплощения народной воли. Имея ввиду явно обозначившееся свое большинство в Учредительном собрании, Партия социалистов-революционеров получала бы возможность законным, мирным путем устранить большевистско-советскую власть и преградить путь левому экстремистскому уклону, который был привнесён большевистским переворотом.

После разгона Всероссийского Учредительного собрания именно эсеры остались единственными борцами за его воссоздание, для чего в июне 1918 г. в Самару съехалось свыше 70 депутатов эсеров и представители других левых партий и было провозглашено создание КОМУЧА, чья деятельность стала демократической альтернативой большевистской власти.

Левая Народно-социалистическая Трудовая партия, которую с эсерами разграничивали скорее лишь тактические, а не программные установки, по-эсеровски определила даже место размещения требования Учредительного собрания в программе. Эта партия заявила, что будет добиваться «чтобы было создано полномочное Учредительное со-

бране, избранное гражданами на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов, без различия пола, народности и вероисповедания» [4, с. 217]. Народные социалисты выделяли положение об Учредительном собрании в конце программы в разделе «Отношения между народами», но в связке с требованием установления «народовласти (власть народа) в наиболее полном и совершенном виде», которое было сформулировано в разделе втором «Верховное правление» [4 с. 211].

Максимальная вариативность партийной стратегии и практики по вопросу о созыве Учредительного собрания в предоктябрьской России выявилась в программах девяти национальных и национально-региональных партий.

На северо-западной окраине Российской империи две партии, основанные в 1902 и 1904 гг.: Латышская социал-демократическая рабочая партия (ЛСДРП) и Литовская демократическая партия (ЛДП), исходили из принципа разграничения двух уровней Учредительных собраний – Всероссийского и национально-регионального. ЛСДРП в 1905 г. поместила лозунг Учредительного собрания (Учредительного Сейма) в последнем шестнадцатом пункте программы-минимум. Эта партия провозглашала, что достижение «...ближайших целей защиты рабочего класса... возможно в демократически организованной стране... единственным истинным средством для достижения этих целей является свержение самодержавия и созыв Учредительного сейма, свободно избранного всем народом» [4, с. 65].

Либерально ориентированная Литовская демократическая партия (с 1905 г. Демократическая партия Литвы) так же как и РСДРП, ПСР, ЛСДРП поместила тезис об Учредительном собрании в концовке программы 1905 г. как тактическую задачу (п. 6, раздел XII. Тактика): в будущем Российском Государственном учредительном сейме Л[итовская] Д[емократическая] П[артия] будет заботиться [о] признании [в] Литве автономного демократического устройства [4, с. 124]. В разделе II. Автономия Литвы ЛДП провозглашала «... Литва может получить автономию через Учредительный сейм всей России». Заметим, что в разделе «VIII. Образование» было заявлено, что из общей бюджетной росписи «другим нациям Литвы... (полякам, белорусам, евреям, русским, немцам) должна быть ассигнована из народного банка часть денег для этой цели согласно [количеству] жителей каждой нации для образования на родном их языке» [4, с. 318, 323].

В программе Белорусской социалистической Громады (1906) «особо подчеркивалось, что осуществление политических и социальных преобразований возможно только на Учредительном Сейме, созванном в Вильно на основе всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права от всего населения Белорусского края» [4, с. 147].

Социалистическая Еврейская Рабочая Партия (СЕРП), выставила для будущего лозунг Российского государственного Учредительного собрания и лозунг Всероссийского еврейского национального сейма, «созываемого на основе всеобщего, без различия пола, равного, прямого и тайного голосования один или два раза в год, в точно определенные законом сроки» [4, с. 205]. В круг ведения этих учреждений входят: организация народного образования; создание учреждений, способствующих развитию национальной культуры; организация профессионального образования в целях поднятия уровня технической подготовки еврейских рабочих; организация общественного презрения и народного здравия; организация взаимной и трудовой помощи; организация распространения среди трудящегося населения сельскохозяйственных знаний с целью приспособления еврейского труда к сельскохозяйственной промышленности; организация статистики по всем вопросам еврейской жизни; руководство эмиграционным и переселенческим делом; другие вопросы по определению Еврейского Национального Учредительного собрания [4, с. 205-206].

В программе-минимум Сионистско-социалистической рабочей партии [1905 г.] в п. 6 было выдвинуто требование – «немедленный созыв Учредительного собрания народных представителей, выбранных по пропорциональной системе всеми гражданами без различия сословия, пола, религии и национальности на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов». Далее подчеркивалось требование устранения администрации «от технической стороны выборов» [4, с. 182].

В программе Еврейской социал-демократической рабочей партии «Поалей-Цион» [1907 г.] было выдвинуто требование: «Созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, без различия полов, наций и классов, прямого и тайного избирательного права» [4, с. 95].

Еврейской партией – Всеобщим еврейским рабочим союзом в Литве, Польше и России (Бунд) в пред-революционные годы и в период нарастания Первой российской революции в вопросе о созыве Учредительного собрания формулировались аналогичные программе РСДРП лозунги «Свержения самодержавия» и «Созыва Учредительного собрания». В разделе VIII «О соглашениях с другими революционными организациями» пояснялось, что «по отношению ко всем несоциал-демократическим революционным организациям считать допустимым соглашения с ними лишь в момент революционных выступлений» и в случае, если они пользуются заметным влиянием и «ставят на своем знамени требование созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов» [4, с. 31]. В резолюции

Х Всероссийской конференции Бунда отмечалось, что в России встанет «с особой остротой в Учредительном собрании вопрос о таких формах демократической республики, которые бы наилучшим образом гарантировали бы нормальное сожительство разнородных народов» [4, с. 34].

В Программу Бунда в 1917 г. была включена установка на расширение сферы его влияния среди еврейского населения и на участие в Еврейском Учредительном собрании в границах компетенции, которая будет установлена Всероссийским Учредительным собранием в основных законах [4, с. 36].

Со свержением самодержавия в программах национально-региональных партий модифицировались лозунг, содержание и политические перспективы Российского Учредительного собрания.

«Многочисленные партии социалистического и демократического толка сильно расцветивали палитру борьбы вокруг Учредительного собрания, ... яркую национальную окраску этот лозунг принял в 1917 г. далеко не сразу» [7, с. 44], – указывал Л.Г. Протасов.

Украинские политические партии до 1917 г. не ставили в программах требования созыва Учредительного собрания. В 1905 г. в программе Украинской радикальной партии провозглашалось, что Украинская народная Рада (Совет) должна выполнять учредительскую и парламентскую функции [14, с. 12]. А в 1917 г. Украинская радикально-демократическая партия в предисловии, подписанном группой заграничных членов партии, заявила, что «к требованиям ... программы... добавляем еще требование Демократической республики (разумеется, *федеративной*) с которым мы пойдем в Учредительное собрание» [4, с. 172].

Партия украинских социалистов-федералистов (1917 г.) провозглавила, что, во-первых «Российское государство должно преобразоваться в демократическую федеративную республику, в которой Украина должна занимать место отдельного штата» [4, с. 284]. Во-вторых, «преобразование России в федеративное государство должно состояться посредством Всероссийского Учредительного собрания, которое должно признать общие принципы федеративного объединения» [4, с. 285]. Те же принципы также применимы и к местным Учредительным собраниям, «на которых каждая вырабатывает конституцию для своего края» [4, с. 285]. В-третьих, к этим программным положениям дано примечание, в котором заявлена принадлежность права на самоопределение не только нациям, но и отдельным краям» («областям»); продекларировано «сохранение права на выделение в автономную единицу и в дальнейшем за народами и краями, даже если бы на Всероссийском Учредительном собрании они не объявили бы немедленно о своем желании использовать это право» [4, с. 285]. В-четвертых, в 13-14 пунктах програм-

мы (раздел II. «Строй на Украине») разграничивались полномочия Украинского и Всероссийского Учредительного собраний: первое «принимает подробный Устав автономии Украины», а второе, окончательно «решает и законодательным актом подтверждает основы автономии Украины» [4, с. 286]. В-пятых, порядок выборов в Сейм (Украинскую Народную Раду), «время его заседаний, вопрос о праве созыва и окончании работы Сейма должно выработать Украинское Учредительное собрание» [4, с. 287]. В-шестых, в сфере земельной реформы Всероссийскому законодательному собранию принадлежат полномочия на установление «*только основ земельной реформы*», сама же реформа «на Украине осуществляется Украинским Сеймом ... соответственно местным условиям землевладения и доходам края» [4, с. 291].

В 1917 г., кроме Бунда, двух украинских национальных партий, еще пять национально-региональных партий обозначили, хотя и кратко и в разных разделах программ, по одному-двум вопросам проблемы созыва Учредительных собраний: Всероссийского и национально-региональных. В Закавказье таковыми проявили себя три национально-региональные партии. Программа Тюркской партии федералистов «Мусават» обозначила две задачи «сплотиться и организовать, чтобы не идти в хвосте национальных движений», обозначить тюркским национальным движениям достаточное отражение «в Учредительном собрании, в основе группировок которого будет лежать не столько классовый, сколько национальный принцип» [4, с. 231].

В программе Грузинской национально-демократической партии в разделе «Политические задачи» закреплялось требование безотлагательного «установления политической автономии Грузии» на демократических республиканских началах, устанавливалось, что «Конституцию автономии вырабатывает Грузинское национальное Учредительное собрание, созванное в Тифлисе» [4, с. 383]. В программе были провозглашены демократические принципы выборов членов Учредительного собрания – «без различия пола, религии, национальности посредством всеобщего, равного, прямого и тайного голосования» [4, с. 382-383].

Армянская народная партия «Рамкавар» (образовавшаяся из правого крыла партии «Дашнакцутюн») в программе, принятой в сентябре 1917 г., предпослала первому пункту программы тезис, что партия «считает необходимым до созыва Учредительного собрания не выступать с какими-либо национальными, классовыми, религиозными и экономическими требованиями, которые могли бы породить недоразумения, рознь между народностями и классами России и тем ослабить силу ее могущества» [4, с. 374-375].

В Проекте Программы партии «Алаш», в разделе государственное устройство (1917 г.) указывалось,

что главой государства должен быть президент, избираемый на определенный срок Учредительным собранием и Государственной думой, а депутаты «избираются всеобщим, равным и тайным голосованием»; «Автономия казахов слагается из областей, населенных ими и составляет часть Российской федеративной республики» [4, с. 378]. Отмечалось, что «при выработке земельного закона в Учредительном собрании в основу должно ложиться владение землей, в первую очередь, коренного населения» [4, с. 380]. В заключительной части Программы Казахской социалистической партии «Уш-Жуз» (1917 г.) предлагалось «положить свои шары на выборах в Учредительное собрание» и «собраться всем мусульманским депутатам воедино и держаться с социал-революционерами, которые за федерацию» [4, с. 240].

Национальные партии переносили акценты на национальные Учредительные собрания. Подводя итоги выборов в национальных регионах, авторитетный историк Учредительного собрания Л.Г. Протасов пишет, что нельзя «согласиться с мнением будто на выборах в Учредительное собрание слабыми оказались позиции национальных партий, их реальное влияние следует оценивать не в масштабах всей России, в границах своих регионов» [7, с. 258].

С началом общероссийского и национального партстроительства на рубеже XIX-XX гг. программный формат требования созыва Учредительного собрания стал идейно-стратегическим разграничителем, определявшим разнонаправленную и разномасштабную тактику, что выразилось в постановке лозунга «Учредительного собрания» либо в программах-минимум, либо в тактических платформах. Многие национальные партии имели требования как общероссийского, так и национального Учредительного собрания. Это отражало федералистскую тенденцию, которая после разгона Всероссийского Учредительного собрания 5 января 1918 г. так и не реализовалась в полной мере.

Литература:

1. Циунчук Р.А. Идеи и реалии народного представительства в России начала XX века. – Казань: Изд-во «Яз», 2017. – 189 с.
2. Шелохаев В.В. Политические партии России в 1917 г. (Итоги изучения и исследовательские задачи) // 1917 год. Государство, власть, территория. Доклады Международной научной конференции. – М.: Полит. энциклопедия, 2017. – С. 379-387.
3. Либеральное движение в России. 1902-1905 гг. – М.: РОССПЭН, 1995. – 648 с.
4. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. – М.: РОССПЭН, 1995. – 464 с.
5. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3 Кн. 1 1915-1917 гг. – М.: РОССПЭН. 2000. – 831 с.
6. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. Т.1. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 743 с.
7. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. – М.: РОССПЭН, 1997. – 380 с.
8. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 1996. – 872 с.
9. Программа радикальной партии // Программы политических партий в России / Под ред. и с предисл. И.В. Владиславлева. Вып.1-й. – М.: Тип. Сомовой, 1917. – 143 с.
10. Чарнолуцкий В.И. Российские партии, союзы и лиги. Сборник программ уставов и справочных сведений о российских политических партиях, всероссийских профессионально-политических и профессиональных союзах и всероссийских лигах. – СПб.: Типо-лит. Б. М. Вольфа, 1906. – 252 с.
11. Второй съезд РСДРП. Протоколы. – М.: Госполитиздат, 1959. – 850 с.
12. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.1. – М.: Политиздат, 1983. – 535 с.
13. Программа партии социалистов-революционеров. – М., 1906. – 16 с.
14. Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – начало XX века). Вып. 2. – М.: ИНИОН, 1996. – 436 с.

Constituent Assembly in the Programs of all-Russian and National Political Parties in 1905-1917

Tsiunchuk R.A.

Kazan (Volga Region) Federal University

The article traces the dynamics of the relations of various parties in Russia at the beginning of the twentieth century to the political demand of the Constituent Assembly.

Key words: Russian Empire, democracy, Constituent Assembly, political parties.